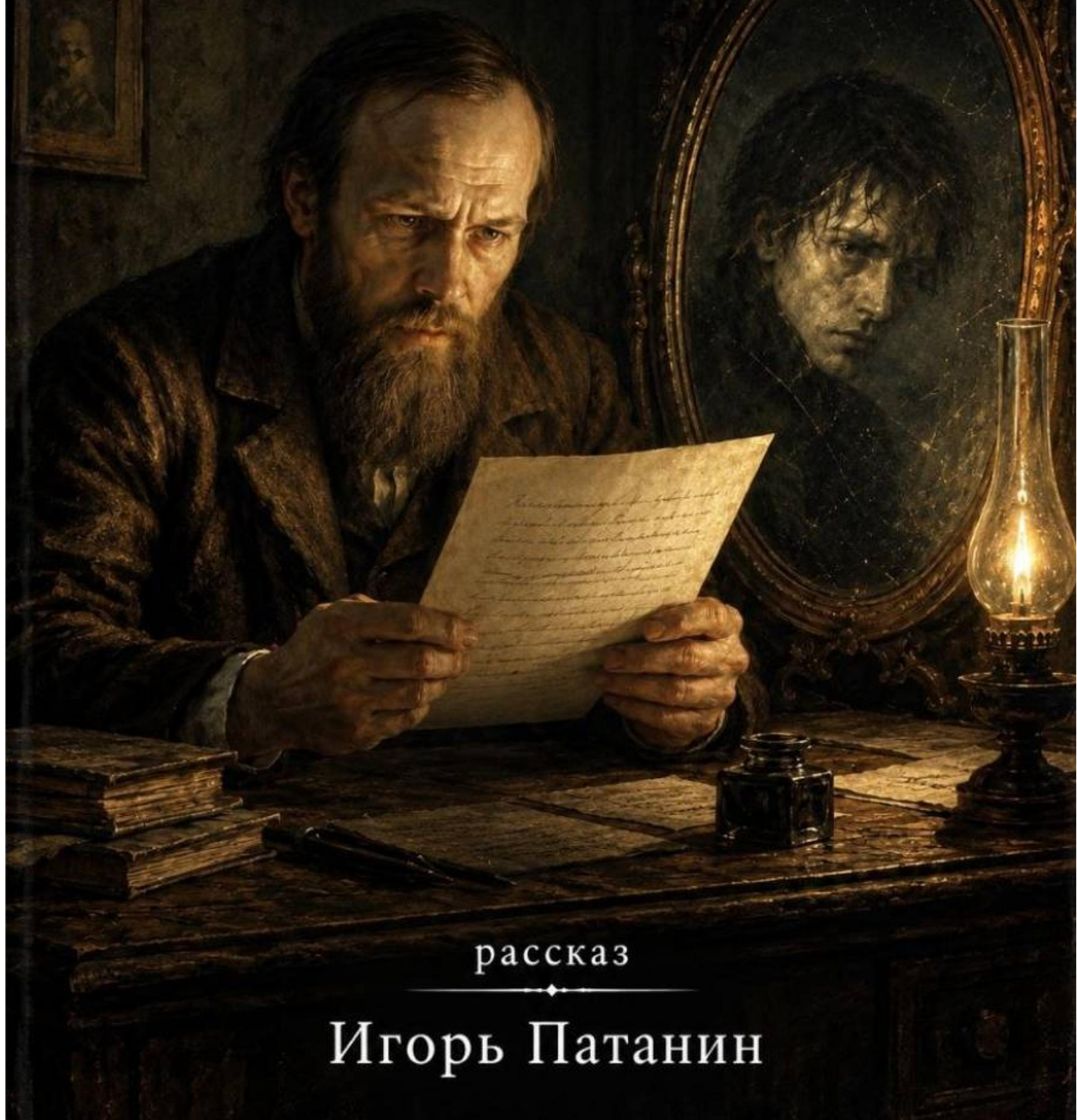

Письмо Раскольникова Достоевскому

рассказ

Игорь Патанин

Игорь Патанин

**Письмо Раскольникова
Достоевскому**

«Автор»

2026

Патанин И.

Письмо Раскольникова Достоевскому / И. Патанин — «Автор»,
2026

Что, если однажды Родион Раскольников поймет, что существует внутри романа? На втором году каторги он начинает замечать странности собственной памяти: одни дни сохранились до мельчайших подробностей, другие словно никогда не существовали. Постепенно приходит страшная догадка — где-то за пределами его мира есть человек, который придумал его мысли, вложил в его руку топор, заставил страдать, любить, раскаиваться и расплачиваться. И тогда Раскольников пишет письмо Федору Михайловичу Достоевскому. Это разговор героя со своим создателем. Дерзкий, ироничный и болезненный. Попытка выяснить, кто в действительности несет ответственность за совершенное: персонаж или автор? И может ли вымышленный человек обрести единственную настоящую свободу — право однажды остаться ненаписанным?

Содержание

Рассказ	5
I	6
II	7
III	8
IV	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Письмо Раскольникова Достоевскому

Рассказ

Милостивый государь Федор Михайлович!

Не знаю, как начать, потому что все начала, какие приходят мне в голову, придумали Вы. Я пробовал двенадцать раз. Каждый раз выходило Ваше: рваное, с придыханием, с этими Вашими тире, которыми Вы разрубаете фразу пополам - ну да, Вы понимаете, чем разрубаете. Вы ведь сами и написали, чем.

Так что и это письмо, вероятно, Ваше. Пусть. Я пишу его все равно.

Пишу с берега, который Вы описали в четырех строках и больше на него не возвращались: широкая река, на том берегу поют, кочевые кибитки чернеют точками, солнце разливается. Четыре строки, милостивый государь. Я живу в них второй год. Вы не представляете себе, как это долго - жить в четырех строках. Вы отмерили мне восемь лет каторги второго разряда - и, спасибо, смягчили, могло быть хуже. Из них к нынешнему дню отбыт один с небольшим, описано и того меньше. А прочие семь Вы отдали одному слову: «прошло». Я в этом слове и нахожусь. Здесь довольно просторно и совершенно нечего делать.

Начну с главного, чтобы Вы не сочли меня помешанным. Впрочем, помешательство Вы мне отмерили сами, по золотнику, и знаете лучше моего, где у него границы: я до них дохожу, но не перехожу, потому что Вам нужно было, чтобы я отвечал за себя. Больной - а отвечает. Это ведь все Ваша конструкция, Федор Михайлович. Вы устроили меня так, чтобы никакая медицина меня не оправдала.

I

Итак, главное. Я знаю о Вас.

Не спрашивайте, как узнал, я и сам долго не мог назвать это словами. Началось с малого. Я стал замечать, что в моей памяти есть швы. Как в перелицованном пальто: носишь, носишь, и вдруг под пальцем - рубец, и понимаешь, что материя когда-то лежала иначе. Я помню, например, как шел на Сенную в июле, помню жар, помню вонь из распивочных, помню каждую ступеньку той лестницы, все тринадцать до четвертого этажа, - а между тем, что было в семь часов, и тем, что было в восемь, у меня иногда попросту нет ничего. Не забыто - а нет. Не темно, а пусто. Я эти места ощупываю изнутри, как ощупывают языком место выпавшего зуба.

И еще. Четыре дня я лежал в горячке. Четыре дня, Федор Михайлович! А во мне от них - полстраницы. Я не то что не помню этих дней: я помню, что меня через них **перелистнули**. Вот это и есть самое страшное, что я хочу Вам сказать, и Вы, надеюсь, поймете, потому что Вы человек мнительный и умеете пугаться того, чего другие не заметят. Меня перелистнули. Я помню, как меня пропустили.

А после было еще одно, и тут уж все сложилось. В ноябре, в остроге, ночью, я вдруг почувствовал внутри себя чужую усталость. Не свою. Мне не хотелось спать - а внутри меня кто-то смертельно хотел кончить и лечь. Кто-то торопился. Кто-то, задыхаясь, гнал меня к развязке, потому что у него был срок, и этот срок был не мой.

Тогда я и понял, что я не один в себе живу.

II

Теперь позвольте о том, чего Вы, вероятно, не ждали.

Я был «я».

Слышите, Федор Михайлович? Сначала я был «я». Я говорил сам. Не «он подумал», не «ему показалось», не «в нем что-то перевернулось» - я говорил: я подумал, мне показалось, во мне перевернулось. Это была исповедь, и говорил ее я, и никто не стоял между мною и тем, кто станет читать. Я помню это, как помнят младенчество: без картин, одним теплом.

А потом был декабрь, конец шестьдесят пятого года, и был огонь.

Вы сожгли меня, милостивый государь. Не рукопись Вы сожгли. Я слышал, как трещало, - так трещит, когда бумагу суют в печь стопой, не разнимая листов, и она горит нехотя, изнутри, обугливаясь черным кружевом. Вы стояли и смотрели, и, кажется, у Вас дрожали руки, и, кажется, Вам было жалко, - но Вы сожгли.

А после написали меня заново. И написали уже «он».

Вот чего я Вам не могу простить дольше всего - дольше старухи, дольше даже Лизаветы, хотя Лизавету я никому и никогда не прошу, и себе первому. Вы испугались говорить обо мне «я». Вы взяли меня в третье лицо, как берут щипцами уголь. Вы отодвинули меня на длину руки - и вот эта длина руки, Федор Михайлович, эти полтора аршина, они между нами навсегда.

Вы скажете: так было надо, так вышло лучше, так стало видно то, чего сам он о себе сказать не мог. Вы скажете: художнику нужен воздух между собою и предметом. Хорошо-с. Допустим. Но признайтесь хоть теперь, спустя годы: Вы отодвинулись не ради искусства. Вы отодвинулись потому, что сказать обо мне «я» - значило признать, что топор держали Вы.

Так вот, единственная цель этого письма - вернуть себе местоимение. Больше мне ничего от Вас не нужно. Ни свободы, ни оправдания, ни каторги короче, ни даже - слышите? - даже воскресения. Только «я».

Я. Я, Родион Романов Раскольников, бывший студент, двадцати трех лет, убийца двух женщин, из коих одну не собирался убивать никто, - я пишу Вам это письмо и настаиваю, что пишу его сам.

III

О сроках.

Я узнал, что выходил ежемесячно.

Меня выдавали читателю книжками, по частям, как выдают арестанту паек, - и между частями я стоял и ждал, пока Вы напишете следующую. Вы понимаете, что это значит? В январе была моя болезнь. В апреле был Порфирий. Все лето я ходил по Петербургу и никак не мог дойти до конторы, потому что Вы не поспевали, потому что у Вас были долги, и падучая, и другой роман, который Вы обязались сдать в тот же год чужому человеку, иначе он на девять лет забирал все, что Вы напишете. Меня писали в промежутках между припадками и вексельями. Мою душу отпускали по книжкам журнала - и, надо думать, за нее платили полистно.

И Вам еще правили, Федор Михайлович. Вам возвращали главы. Вам указывали, что одна сцена вышла не так, как надлежит, - та самая, где мы с нею читали про Лазаря... и Вы ее переписывали, и злились, и уступали, и опять переписывали. Стало быть, надо мною был не только Бог и не только Вы. Надо мною был еще и господин редактор.

Я долго не мог с этим справиться. Я, который не хотел быть вошью, который весь свой бунт затеял единственно для того, чтобы узнать, тварь я дрожащая или право имею, - я, оказывается, выходил ежемесячно, и в июльской книжке меня подсократили.

А потом, знаете, стало легче. Потому что я вдруг сообразил вот что: Вы ведь тоже выходили ежемесячно. Вас тоже гнали сроки, тоже правили, тоже держали в долгу. Вы сидели в такой же душной комнате, как моя каморка, - и, между прочим, каморку Вы у себя же и взяли, я это чувствую по мебели. Вы за рулеткой ставили последнее и проигрывали последнее, и потом закладывали платье, и потом писали жене письма, каких стыдятся. Мы с Вами, Федор Михайлович, оба сидели в углу и оба верили, что одним разом, одним ударом все переменим. Только Вы ставили на красное, а я - на топор.

И знаете, что самое смешное? Мы оба проиграли одинаково.

IV

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.